

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬ
КОЛЛЕКЦИЯ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

Анатолий ЛИВРИ

Сын Гнева Господня

*Ὁ Διόνυσος, ὁ Διὸς γόνος, οὐ Θῆβαι
κράτος ἔχουσι ἐμόν.*

Санкт-Петербург

АЛЕТЕЙЯ

2013

О поэтическом сборнике Анатолия Ливри

В пестрой, разнообразной картине сегодняшней поэзии, отличающейся обилием имен, течений, школ, появление поэтического сборника «Сын Гнева Господня» Анатолия Ливри, тем не менее, вряд ли останется незамеченным.

Поэзия Анатолия Ливри рифмуется с его прозой — но не в силу прозаичности его стихотворений, а, напротив, из-за лирико-поэтических мотивов его прозы, а также общего поля тех философско-эстетических ассоциаций, в котором и та и другая существуют. Насыщенность стихотворений античной образностью, именами Гомера и Гесиода, Пиндара и Горация, Софокла и Эсхила, отсылками к их сюжетам и персонажам демонстрирует основательность знаний Ливри-эллиниста, способность вжиться в античный мир, быть может, более знакомый ему, «свой», чем мир сегодняшней повседневности. В оболочке античных мифов сиюминутные впечатления, настроения обретают философскую глубину, при этом авторская эрудиция вполне органично переплавлена в поэзию, исполненную учеными, но отнюдь не рассудочности.

Излюбленные автором философские и социальные идеи, отчетливо и порой резко публицистически выраженные в прозаической эссеистике, в его поэтических сочинениях, усложняясь, смягчаются, теряют публицистическую сиюминутность, подчиняясь главной, органически присущей поэзии идее творческого поиска. В его поэтическом мире даже «сор» бытового факта преобразуется в мифопоэтическую картину бытия: так,

в «Чикагском цирюльнике», сообщая читателю — «В Америке... я сбрил усы!», — поэт одновременно создает лирико-иронический образ сказочного преобразования; в «Заклинании» печально известная скандальная история преследования автора ученой дамой оборачивается пронзительной рефлексией об участии творческой личности, о путях «избавления поэта от щелчка».

Подобно всем современникам сегодняшней постмодернистской эпохи, Ливри так или иначе творит свои тексты из предшествующих текстов, но, в отличие от большинства, не превращает стих в череду цитат, в центон, а растворяет знакомые образы, мотивы, метафоры в ткани собственной поэтической рефлексии, оставляя аллюзии, давая почувствовать отголоски, вызывая ассоциации. Он апеллирует к культурной памяти, отсылая читателя то к Шекспиру («как мавр одеждемошен»), то к Гончарову («штольцевы советы»), то к Державину («Я царь, я раб»), то к Сервантесу («Ты — на осле, а я с копьём»). В этом ряду имена Пушкина и Мандельштама ясно определяют предпочтения автора в поэтическом наследии прошлого: «Зек Мандельштам и Пушкин бравый Меня приветствуют на “ты”».

Впрочем, ни искреннее восхищение автора Пушкиным, ни даже реминисценции-вариации из его стихотворений (ср., напр: «Как Истоминой истов полет моих ног»), рассыпанные по тексту сборника, не отменяют того, что интонация поэзии Ливри — совсем не пушкинская, то есть не ясная, прозрачная и, если перефразировать Б. Пастернака, не «неслыханно простая». Скорее, здесь можно уловить отзвуки Мандельштама — и не только в очевидных перифразах, вроде «Но гений, да и гнев — всё движется любовью» (ср. мандельштамовское «И море и Гомер — все движется любовью»), но в самом образно-стилистическом строе стихов автора сборника. И все же, если искать особенно близкие Ливри поэтические голоса, то обладатели их самим поэтом не называются, а, скорее, угадываются читателем, слышатся в своеобразной вязи сложносоставных прилагательных и причастий — как у Бальмонта или

Северянина (терпандрострунный), «омандельштамленна», «пестросапожная», «закатно-ржавая», «усталодланная», «черночешуйный», «исчернозёмлен» и т.п.), в игре созвучий («Ярися, ярь»), «Наст — ностальгии», «рифов рифм») и ритмике строк («О нём довольно... Бью челом Очеловечцам слов заочно») — как у Марины Цветаевой. Неуловимое сходство с ее поэзией возникает и в ломкой динамике строк («растерзан века и собак Клыкком — история не нова»), в соседстве «цветаевских» слов «стан» и «рябина» («черный стан рябины островной»), в своеобразном частом использовании тире («Скользит ладонь — нет кисть! — плотиной», «Город — лес, топь да топь. Я же — бес»). Однако, в конечном счете, сгущенность сложных метафор, интонационно-образная изощренность, даже причудливость порождает связь стихотворений Ливри с барочной «темной» манерой испанского поэта XVII в. Луиса де Гонгоры. Подобный неокультеранизм, как и культеранизм эпохи барокко, бесспорно, обращен к искушенному читателю, способному извлекать эстетическое удовольствие из разгаданной сложности, как советовал некогда теоретик барокко Бальтасар Грасиан. В контексте этой традиции уже отмеченная рецензентами потребность в научных комментариях для понимания стихов Ливри (см. заметку К. Изабеллова в *Ex Libris* Независимая газета от 30.04.2009) — не недостаток, а скорее достоинство его поэтической манеры.

Стоит заметить, что, при постоянстве мощного пласта античной образности, если в русской части сборника выстраивается один ряд ассоциаций, отсылающий, прежде всего, к поэтам Серебряного века, то во французской части слышатся отзвуки поэзии Бодлера, Верлена, Рембо (имя которого произнесено прямо — в «*Péripéties du poète*»), а музыкальность интонации дополняется живописностью метафор, создающих эффект «*clair-obscur*»: не случайно во французских стихах возникают имена Тициана, Рембрандта, Гольбейна, упоминаются «*les couleurs de l'océan*», «*l'asphalte rose*», «*gravures colorisées*» и т.п.

Ливри как будто соотносит русский и французский языки своей поэзии с тем культурным контекстом, в котором они существуют наиболее естественным образом. Это позволяет автору сборника «Сын Гнева Господня» добиться трудно достижимого равенства художественных достоинств созданной им поэзии на двух языках и расширить потенциальную аудиторию своих читателей.

*Наталья Пахсарьян, доктор филологии,
профессор кафедры Истории зарубежной
литературы Московского Государственного
Университета им. М.В. Ломоносова*

Quelques mots sur le recueil poétique d'Anatoly Livry

Dans le pittoresque et hétéroclite paysage de la poésie actuelle qui se distingue par l'abondance des noms, des courants et des écoles, le recueil poétique d'Anatoly Livry ne restera pas dans l'ombre, car *Le Fils de la colère du Seigneur* possède une expression qui lui est propre.

La poésie d'Anatoly Livry a les échos de sa prose, non point en raison de la simplicité de ses vers, mais à cause des motifs lyriques de sa prose et, également, au cause du champ commun d'allusions philosophico-esthétiques sur lesquelles se construisent ses deux modes d'expression. Les images de l'Antiquité habitent les poèmes d'Anatoly Livry. Les noms d'Homère et Hésiode, de Pindare et d'Horace, de Sophocle et d'Eschyle emplissent ces strophes, ainsi que les échos aux sujets et aux personnages de ces auteurs, manifestant ainsi les connaissances de Livry-helléniste, ses capacités d'assimilation du monde antique qu'il fait sien, beaucoup plus familier que le monde contemporain. Enveloppées par le mythe antique, les impressions momentanées du poète s'enrichissent d'une profondeur philosophique et, parallèlement, l'érudition de Livry-helléniste se fond dans ses vers emplis de culture antique, sans pour autant se faire contaminer par une pure réflexion.

Les idées philosophiques et civiques préférées d'Anatoly Livry, exprimées avec une clarté parfois brutale dans ses écrits de publiciste et dans ses essais, se complexifient dans sa poésie en s'adoucissant, perdant leur tendance d'immédiateté, obéissant à l'idée éternelle de recherche créatrice organiquement liée à la poésie. Dans le monde poétique d'Anatoly Livry, même les «déchets» d'un fait quotidien se métamorphosent en une image mytho-poétique de l'existence, comme dans

son poème russe «Le Barbier de Chicago» où le poète recrée le processus d'une transfiguration lyrico-ironique. Dans le poème «Conjuration», une histoire scandaleuse tristement connue, celle du harcèlement de l'auteur par une personne du milieu universitaire, devient une réflexion sanglante sur le destin d'un créateur.

A l'instar des écrivains de notre époque post-moderne, Anatoly Livry puise amplement chez ses prédécesseurs; en revanche, contrairement à la majorité d'entre eux, il ne transforme pas ses vers en une suite de citations, mais distille des images, des motifs, des métaphores dans la matière de sa propre réflexion poétique: il ne dit rien directement, laissant le lecteur sentir ces échos produisant des associations lointaines. Surgissent donc des appels à une mémoire culturelle commune, car Livry nous renvoie tantôt à Shakespeare, tantôt à Gontcharov, tantôt à Derjavine, tantôt à Cervantès. Dans cette suite d'hommes de lettres, les noms de Pouchkine et de Mandelstam indiquent clairement les préférences de l'auteur pour cet héritage poétique.

Cependant, ni la franche admiration du poète pour Pouchkine, ni même les réminiscences-variations des vers pouchkiniens dont le recueil est littéralement parsemé ne font de la poétique de Livry une copie de celle de Pouchkine, c'est-à-dire une écriture transparente ou, pour paraphraser Pasternak, « simple de façon inouïe ». Je pencherais pour l'hypothèse que, dans l'œuvre livryenne, peuvent être captés des échos à Mandelstam, et cela non seulement via les allusions directes, mais également dans la construction stylistico-imagée de tout le recueil. Néanmoins, si l'on se mettait à chercher les voix poétiques les plus proches de Livry, l'on pourrait dire que Livry les dissimule et ne les laisse que supposer au lecteur qui les entendrait dans les arabesques étranges d'adjectifs et d'adverbes complexes, telles qu'on les retrouve chez Balmont et Severianine, ou dans le jeu des sons et la rythmique des strophes comme chez Tsvetaïeva. Une ressemblance difficilement identifiable avec la poésie de cette dernière apparaît dans une dynamique brisée des lignes, dans le voisinage de termes communs, dans la fréquence d'utilisation toute particulière des tirets. En fin de compte, la densité des métaphores complexes, la finesse de ton et d'image, je dirais même l'étrangeté des poèmes d'Anatoly Livry tisseraient des liens

avec la «sombre» manière baroque du poète espagnol du XVIIe siècle, Louis de Gongora. Un tel néo-culturalisme ressemblant à celui de l'époque baroque s'adresse, indiscutablement, à un lecteur raffiné, capable d'extraire un plaisir esthétique d'une complexité énigmatique à laquelle il trouve une solution, comme, naguère, le conseillaient le théoricien du baroque Baltasar Gracián. Dans le contexte de cette tradition, la nécessité de commentaires scientifiques soulignée déjà par des analystes de l'œuvre de Livry (cf. par exemple, « Nezavissimaia Gazeta », 30.04.2009) n'est pas une faille, mais un ornement aux poèmes d'Anatoly Livry.

Remarquons que, parallèlement à un épais substrat d'images antiques, la partie russe du présent recueil aligne une rangée d'associations qui nous renvoie tout d'abord à des poètes du siècle d'argent, tandis que la partie française résonne des échos de Baudelaire, de Verlaine, de Rimbaud (dont le nom est mentionné ouvertement dans les «Péripéties du poète»). L'intonation de poème se complète par la puissance picturale de ses métaphores, créant un effet de clair-obscur; n'est-ce pas pour cela que dans les vers français de Livry surgissent les noms de Titien, de Rembrandt, d'Holbein ou des expressions telles que « les couleurs de l'océan», « l'asphalte rose », « gravures colorées », ...? Il semblerait que Livry transpose les langues russe et française de sa poésie à un contexte culturel dans lequel elles existent de la façon la plus naturelle qu'il soit. Cela permet à l'auteur du recueil *Le Fils de la colère du Seigneur* de parvenir à un équilibre difficilement accessible entre les valeurs créatrices auquel il a accédé dans ses deux idiomes, élargissant par cette démarche l'assemblée potentielle de ses lecteurs.

Natalia Pakhsaryan, Professeur de littérature française à l'Université de Moscou-Lomonossov

Содержание

I

<i>Наталья Пахсарьян. О поэтическом сборнике А. Ливри</i>	5
Виноцветное море	11
Мандельштам	13
Ошибка веком.....	15
Возвращение и обет Якху	16
Чикагский цирюльник	17
Рождение Каина.....	18
Предрасветное пиндароречье	20
Шотладская поэма.....	22
Parodos.....	24
Черешневый сад	26
Оракул.....	27
Заклинание.....	28
Мошенничество	30
Шутка Аристофана	31
Роды.....	32
Спецназ в Грузии	33
На горе Елеонской	34
Ещё выше	35
Клодель, Златая голова	36
Алеет Запад.....	37
Сутки стихосложения	38
Мне каждое утро на крылья	40
Демонстрация 8-го марта	41
Кража груш в Люксембургском саду	42
Влажный сон.....	43
Пушкин	44
Двадцать седьмое января.....	45
Утренняя заря	46

Екклезиаст	47
Sanctus Januarius	48
С книгой — на остров	49
Убегая Лигурга	50
Винокурня	51
Челобитная	52
Душа Европы	53
На сладкое или Новая Голгофа	54
Поэт	55
Зелёный свет, почти что венецийский	56
Поэту железного века	57
Переводчикам поэта	58
Я обыграл вас, милые менады	59
Элевсин	60
Зимнее утро	61
Чистосердечное признание	62
Тавроболий на арене	63
Бег пасхальной пальмы	64
Месса в церкви Святого Николая	65
Катавасия	66
Совет Богам	67
Бессонница, Тигран, пасхальная вуаль	68
Ночь в Санкт-Морице	69
Гомер у гиперборейцев	70
Исмарское вино	71
Воскрешение Мандельштама	72
Эрос венецийский	74
Майевтика	75
Ливри-акушер	77
Лесбос в Париже	78
Три осенние «и»	79
Выздоровление	80
Гимн Ночи	81
Любовь планеты	83
Слияние	84
Сын Гнева Господня	85
Певцу берёзовой дубравы	86
Ямвлих	87
Рукоположение	88
Развод	89

Исповедь	90
Оды в руках учёного	91
У антиподов	92
Èze sous les larmes divines	93
Мистраль	95
Повечерие	96
Прочь из Содома или Парижское новоселье	97
Holder Mai	98
Секрет	100
Гений безмолвствует	101
Моя скупость	102
Взгляд спросонья на камин	103
Похмельное воспоминанье	104
Корабль Дураков	105
<i>Сергей Есин. Стихи Пана</i>	107

II

<i>Natalia Pakhsaryan. Quelques mots sur le recueil poétique d'Anatoly Livry</i> ...	111
L'Odyssee inachevée	114
Parodos	116
Bombardement de l'obscur clarté	117
Péripéties du poète	119
Ce verbe fut si pâle	119
Question	120
Gravissant Cassios	121
Hélios reforgé	122
Margherita	123
Aux Béotiens	124
Nouvelle théologie	125
Aube	126
Fin de l'exil	127
Dilemme de Jonas	128
Carillon de la Pentecôte	129
Estortuaire en mains	130
Stradivarius en Malorossia	131
Fuite de Germanie	133
Voyageur	135
Dynamitage du cinéma	136